

Введение

Некоторые критерии для сравнения политических режимов Татарстана, Удмуртии и Мордовии

Издание настоящего сборника является частью исследовательского проекта «Сравнительный анализ элиты шести средневожских национальных республик РФ» (апрель 1998 – март 2000 гг.), который финансировало Министерство образования, науки, спорта и культуры Японии.

С точки зрения политической регионологии о научном значении проекта можно говорить в двух отношениях.

Во-первых, представляется, что одной из методологических основ регионологии является ее междисциплинарность, и национальные республики Среднего Поволжья заставляют нас, регионологов, работать, опираясь именно на междисциплинарный подход. Исторически сложилось так, что Среднее Поволжье, как и Северный Кавказ, с точки зрения межнационального сосуществования может рассматриваться в качестве типичной территории Российской Федерации. Поэтому претендующий на глубину анализ политических процессов, происходящих в средневожских республиках, требует не только политологических, но и исторических, этнографических, религиоведческих и лингвистических знаний. Знакомство с этими республиками не может не привести нас к пониманию, что российская цивилизация не только славяно-православная, скорее, в ней сочетаются как минимум славяно-православная, тюрко-мусульманская и финно-угорская (языческая по корням) традиции.

Во-вторых, регионологические исследования не могут существовать вне сравнительной перспективы, а на Среднем Поволжье уровень диверсификации региональных политических режимов, даже по послекоммунистическим российским меркам, чрезвычайно высок: от самого, условно говоря, «мягкого» в России – удмуртского до самого «твердого» – татарстанского. Это значит, что Среднее Поволжье – исключительно благодатная зона для регионологии.

Регионы исследования, представленные в этом сборнике, – Татарстан, Удмуртия и Мордовия – являют собой примечательный контраст. Тюрко-мусульманский Татарстан установил «твердый» политический режим на раннем этапе перехода, став тем самым «модельным» образцом вначале почти для всех национальных республик России, а впоследствии также и для русских областей и краев. В середине 90-х годов руководство финно-угорских Удмуртии и Мордовии провозгласило лозунг: «В погону за Татарстаном!». В свою очередь, оппозиция в этих республиках демонизировала режим президента Татарстана М.Ш.Шаймиева, сделав соответствующую риторику ядром контраргументации правящей элите своих регионов. Мордовскому руководству пока удается эта «погоня», а Удмуртскому – нет. Удмуртская республика оказалась одним из трех регионов России, которые установили парламентскую систему правления, и одним из двух, в которых эта система сохранилась до сегодняшнего дня.

В других работах¹ я охарактеризовал режим М.Ш.Шаймиева термином «централизованный касикизм». Суть этого определения заключается в том, что Татарстан по формальным признакам государственного строительства следует поставить между децентрализованными («боссистскими») русскими регионами России и унитарными государствами Восточной центральной Европы, в частности, Польшей и Чехией. Но в реальности, разумеется, республика ближе к русским регионам. Отличие в последнем случае заключается лишь в том, что если в русских регионах России, где проводятся выборы глав местных администраций, возник *типичный* касикизм, то в Татарстане сложился *централизованный* касикизм, в котором господство местных боссов скрывается за показным унитаризмом и системой назначения глав. Более того, под термином «централизованный касикизм» подразумевается, что сущностью этого режима, олицетворением которого является характер правления Шаймиева, представляется не просто исполнительная вертикаль с системой назначения глав, а, скорее, *сочетание* атрибутов системы назначения и своеобразного варианта *электоральной* политики. С этой точки зрения «удача» Мордовии в ее погоне за Татарстаном сомнительна. Достигнутое благодаря президенту Мордовии Н.И.Меркушкину сходство мордовского политического режима с татарстанским довольно поверхностно. Об этом речь пойдет ниже.

¹ См.: K.Matsuzato. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Features and Genesis of the Tatarstan Political Regime, 1990-1998. Доклад, представленный на ежегодном конгрессе AAASS (Сент-Луис, 18-21 ноября 1999 г.); K.Matsuzato. Local Reforms in Ukraine: 1990-1998. Elite and Institutions // Osamu Ieda (ed.) The Emerging Local Governments in Eastern Europe and Russia: Historical and Post-Communist Development. Хиросима, 2000; а также: Кімітака Мацузато (ред.) Регіони України: хроніка та керівники. Т. 1. Екатеринбург, 1999. С. 3-7.

Далее рассмотрим факторы, которые могли повлиять на упомянутую ранее диверсификацию трех республик.

Этнические факторы

На естественный вопрос о том, значительно ли влияют традиции титульной нации на формирование политической культуры таких национальных республик, как Удмуртия и Мордовия, где титульная нация составляет только около 30 % населения, я ответил бы утвердительно. Отношение титульной нации к остальной части населения в некоторой степени отражается зеркально: если титульная нация агрессивна в своем самоутверждении, то остальная часть населения с целью самозащиты, а также проявляя естественную реакцию на уровне человеческих эмоций, платит той же монетой; если титульная нация ведет себя сдержанно, то русские тоже относятся к ней осмотрительно. Пример последнего рода – Удмуртия. Напротив, в Мордовии, еще по-видимому до распада старого режима, не сложились такие надежные взаимоуважительные и спокойные отношения между титульной нацией и русскими. Декларация *о государственно-правовом статусе* республики Мордовия, принятая в декабре 1990 г., вызвала крайне отрицательную реакцию русского населения, несмотря на то, что сама эта формулировка была более мягкой, чем декларации *о суверенитете*, принятые в Удмуртии и Татарстане. Опасения русского населения Мордовии привели к власти в 1991 г. В.Д.Гусляникова, русского.

Если говорить о роли этнических дискурсов в державообразующей фразеологии, то существует общепринятая иерархия этносов. На вершине пирамиды стоят татары, которые имели государственные образования до присоединения к России (XVI век) и литературный язык до революции 1917 г. Ниже располагаются остальные тюркские народы. В подножии пирамиды – финно-угры. Средневожские финно-угры прямо перешли от язычества к православию в XVIII веке (когда подавляющее большинство татар придерживалось своей веры¹). Финно-угры в России, в том числе удмурты и мордва, никогда не имели государственных формирований до революции 1917 г. и получили литературный язык только при Советской власти.

Разные уровни развития этнической идентичности отражаются на степени политической гегемонии титульной нации. Так, если в Татарстане в составе депутатов Государственного Совета (республиканского пар-

¹ Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 25.

ламента) первого созыва (1995-1999 гг.) татары составляли 74%, а русские – только 24%, то в составе депутатов Государственного Совета Удмуртии первого созыва (1995-1999 гг.) было 76% русских и только 16% удмуртов. Таким образом, татары представлены в республиканской политической элите Татарстана непропорционально высоко по сравнению с их весом в населении Татарстана, а удмурты в Удмуртии – непропорционально низко¹.

Однако необходимо сделать две оговорки. Первая: если националистические претензии у финно-угров более скромны, чем у тюрко-мусульманских народов, в том смысле, что эти претензии не связаны с глобальной мегаломанией, то это оборотная сторона того, что финно-уграм приходится быть упорнее в требовании к руководству республики выполнять задачу спасения титульной нации от занесения в «красную книгу». Отметим, что Конституция Удмуртской Республики, точно также как Конституция Татарстана, содержит радикальную формулировку относительно статуса языка титульной нации, то есть безоговорочное требование государственного двуязычия, в то время как даже в Башкортостане башкирский язык не имеет конституционного статуса.

Вторая оговорка (которая тесно связана с первой) заключается в том, что в финно-угорских республиках этнические факторы играют своего рода роль «права вето», закрывая карьерные перспективы тем или иным политикам, проявляющим неуважительное отношение к коренному этносу. Более того, если президент Мордовии Н.И.Меркушкин – мордвин, то А.А.Волков, председатель Государственного Совета Удмуртии – русский. Поэтому, в отличие от Татарстана и Мордовии, в Удмуртии этническими картами время от времени играет оппозиция, а не правящая группировка, что, как оказалось, благоприятнее для предотвращения авторитаризма.

Известно, что в странах мира, где этнические факторы активно используются как державообразующий принцип, интересы государства часто отождествляются с интересами доминирующего (титульного) народа, и его национальная особенность используется как предлог для отступления от общечеловеческих ценностей, включая соблюдение прав человека. Поэтому теоретически можно предполагать, что тюркские республики в России представляют собой более благоприятную, нежели республики финно-угорские, среду для развития авторитаризма. К тому же в России достаточно популярна «народная антропология», согласно которой в политической традиции фин-

¹ В Татарстане 48,5% населения – татары и 43,3% – русские, в то время как в Удмуртии 58,9% населения – русские и 30,9% – удмурты.

но-угров, в отличие от тюрков-мусульман, нет понятия «хан», поэтому финно-угры, якобы, обладают большим иммунитетом к диктатуре. В самом деле, несколько лет назад, когда такие тюркские республики, как Татарстан, Башкортостан, Саха и Тыва, действительно были «передовиками» авторитарного государственного строительства, упомянутая «народная антропология» казалась довольно убедительной. Однако с ней трудно согласиться сегодня, когда такие финно-угорские республики, как Мордовия и Коми, быстро догоняют Татарстан и Башкортостан по степени авторитарности режима¹.

Однако, как сказано выше, аналогия между Татарстаном и Мордовией поверхностна. Во-первых, мотивы выстраивания политического режима отличаются друг от друга. Если М.И.Шаймиев поднял свою репутацию как миротворец, умеющий регулировать сложные межэтнические и межконфессиональные отношения, то в Республике Мордовия ни этнические, ни языковые мотивы не играли большой роли в процессе формирования режима Н.И.Меркушкина (1995-1998). Скорее, мордовский случай являет собой пример «институциональной усталости», когда затянувшийся внутриэлитный конфликт («война всех против всех») завершился передачей огромных полномочий фигуре, прежде не являвшейся заметным актором, и, таким образом, политический режим оформился по модели «победитель берет все»². Если Шаймиев поднимает свой рейтинг, сравнивая ситуацию Татарстана с Северным Кавказом, то авторитет Меркушкина повышается в силу безрадостных воспоминаний элиты и населения о произошедшем в этой республике в первой половине 90-х годов. Иначе говоря, мотивы авторитаризма в Мордовии – чисто политико-управленческие, а не этнополитические.

Второе, незаметное на первый взгляд различие между тюрко-мусульманским Татарстаном и финно-угорской Мордовией связано с силой субрегиональной (районной и городской) элиты. Тюркский народ не уступает восточным славянам в развитии боссизма. В этом плане субрегиональные элиты финно-угорских республик производят впечатление более сла-

¹ Что касается самоуправления на поселенческом уровне, то Мордовия «перегнала» Татарстан. Если Татарстан, твердо «огосударствив» районы, дает сельским органам «местного самоуправления» свободу избрания своего начальства, не вмешиваясь в их кадровые вопросы, то в Мордовии даже на уровне сел главы «избираются» представительными органами по «рекомендации» вышестоящих районных глав.

² Один из авторов настоящего сборника (И.В.Егоров) считает другим примером этой «институциональной усталости» почти внезапное появление режима Аяцкова в Саратовской области. См.: В.Я.Гельман, С.И.Рыженков, И.В.Егоров. Трансформация региональных политических режимов в современной России: сравнительный анализ // Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / Под ред. М.Н.Афанасьева. Москва, 1999. С.90.

бых. Н. Меркушкин и А. Волков старались ввести систему назначения глав местных администраций, следуя татарстанскому примеру, и желание Меркушкина реализовалось. Но ни Меркушкин, ни Волков не стали копировать другой атрибут «татарстанской модели», а именно *обязательное* участие назначенных глав в выборах местных и республиканских депутатов. Этим путем Шаймиев проверяет электоральную способность субрегиональных боссов, не давая им в то же время возможности обрести самостоятельность, чему способствовала бы система, предполагающая прямые выборы глав.

Ни в Удмуртии, ни в Мордовии не было серьезного сопротивления со стороны субрегиональной элиты (кроме случая с мэром Ижевска А.И.Салтыковым) инициативе республиканского руководства по введению системы назначения глав администраций. Напротив, в Татарстане, спустя уже несколько лет после того, как эта система была узаконена, большинство субрегиональных руководителей проявляют недовольство ей и нередко даже открыто требуют от республиканского руководства перехода к выборности глав администраций¹. Если неамбициозные и осторожные финно-угорские местные элиты видят и положительную для себя сторону в системе назначения (то есть защиту сверху при потере своего авторитета у населения), то самоуверенные татарстанские боссы, так же, как их коллеги в русских регионах, стремятся лишь к максимальному увеличению собственных политических ресурсов после победы на всенародных выборах, не предполагая возможности своего поражения. Таким образом, одним из важнейших различий между тюрко-мусульманскими и финно-угорскими республиками является наличие в первых сильных субрегиональных боссов².

Что лучше для предотвращения авторитаризма? С одной стороны, благодаря существованию сильных субрегиональных элит татарстанский режим не может отказаться от элемента внутриэлитного либерализма (или олигархического ограничения власти). Об этом свидетельствует знаменитая попытка «переворота» Рафгата Алтынбаева в мае 1998 г. Томохико Уяма, японский специалист по Центральной Азии, назвал подобное явление в Казахстане «ленивым авторитаризмом». Малоразвитость местного боссизма в финно-угорских республиках расширяет простор для развития демократической политической культуры, но, вместе с тем, развязывает

¹ Интервью с Г.А.Исаевым, заведующим отделом социально-политического анализа и изучения общественного мнения Государственного Совета Республики Татарстана, 4 января 1999 г., г. Казань и З.Р.Валеевой, заместителем председателя Государственного Совета Республики Татарстан, 1 июля 1999 г., г. Казань.

² Разумеется, касикизм может развиваться только при наличии сильных боссов.

руки высшему эшелону власти при выборе институционального дизайна. Иначе говоря, если государственное строительство в тюркских республиках по этнокультурной причине не может выйти за рамки «ленивого авторитаризма», то путь государственного строительства финно-угров зависит от конкретного хода событий и политической конъюнктуры. Наверное поэтому столь заметна разница между Удмуртией и Мордовией.

Роль личности

Следует сразу оговориться, что в противовес упомянутому ранее этнокультурному (и в значительной степени фаталистическому) объяснению существует конъюнктурное, которое придает роли личности большее значение. Даже в Удмуртии, наряду с указанным выше мнением о том, что финно-угры по своей натуре не приспособлены к авторитаризму, бытует версия, согласно которой ни институт президентской власти, ни региональный авторитаризм в Удмуртии не состоялись просто потому, что не было подходящей кандидатуры, подобной М.Шаймиеву и Н.Меркушкину (следует напомнить, что А.Волков – русский).

Как это ни странно, немало политиков Татарстана также утверждают, что режим Шаймиева (основанный на стойком «картеле элит») состоялся не благодаря, а *вопреки* традициям татарской политической элиты. История татарского национального движения со столь многочисленными случаями расколов и внутренних раздоров, используемых имперским центром, свидетельствует о таких отрицательных чертах, присущих татарскому этносу, как амбициозность, самоуверенность и склонность поддаваться эмоциям. К счастью, по мнению сторонников Шаймиева, в решающий момент трансформации политического режима Татарстану посчастливилось иметь руководителя, исключительного в политической истории татар благодаря своей не только сдержанности, хладнокровию, но и редкой для руководителей этого ранга свободе от лишнего самолюбия, которому удалось и вокруг себя собрать подобных людей¹.

Социально-экономическая структура

Теоретически предполагается, что децентрализованная социально-экономическая структура (например, сбалансированное развитие различных отраслей народного хозяйства, наличие альтернативных центров –

¹ Указанное выше интервью с З.Р.Валеевой, а также интервью с Р.З.Алтынбаевым, заместителем министра сельского хозяйства и продовольствия РФ, бывшим мэром г. Набережные Челны, 3 июля 1999 г., г.Москва.

значимых городов, кроме столицы региона, существование сильных вузов и академических учреждений, развитые СМИ) создает благоприятные условия для возникновения и развития политического плюрализма. Если эта гипотеза верна, то среди трех республик именно в Татарстане должен был возникнуть плюралистический политический режим. На деле формирование режима Шаймиева в этом потенциально плюралистическом регионе означает, что он смог создать тонкий механизм согласования интересов различных группировок элиты, который заменяет плюралистическую конкуренцию. Конечно, у многих имеются претензии к Минтимеру Шариповичу, но в то же время всех более или менее устраивает его руководство.

Среди факторов социально-экономической децентрализации стоит специально остановиться на наличии альтернативных по отношению к столицам регионов центров и характере народного хозяйства (многоотраслевом или монокультурном). Население Казани составляет только 28% населения республики. В новейшей истории Татарстана городу Казани иногда приходилось отвечать на вызовы со стороны таких городов, как Набережные Челны, Альметьевск, иногда даже Елабуга. В отличие от этого, столицы Удмуртии и Мордовии (Ижевск и Саранск соответственно) являются монополистами региона. Например, по данным за 1999 г. доходы бюджета города Ижевска составляли 40,5% доходов бюджета Удмуртской Республики, и почти 40% населения республики проживало в Ижевске¹. Монополистический статус регионального центра является обоюдоострым мечом для развития плюрализма. Используя его, столица региона может стать бастионом оппозиции региональному руководству (удмуртский вариант). Однако если главе региона удастся ввести систему назначения глав местных администраций и тем самым задушить самостоятельность столичной элиты, то региональный политический режим быстро превращается в монополярный (пример – Мордовия).

Многоотраслевая структура регионального народного хозяйства – положительный фактор для развития политического плюрализма. Активность отраслевых групп, будь то предпринимательские, рабочие или интеллигентские, способствует плюрализму, предотвращая боссизм², а пос-

¹ Официальная и деловая Удмуртия. Справочник. Ижевск, 1998. С.4.

² См. пример Свердловской области: Sergei I. Ryzhenkov. The Golden Age of Provincial Humanity and Patterns of Regional Development // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World: Towards a Discipline of Regionology. Саппоро, 2000. С.136-137; а также мое исследование субрегиональной политики Тамбовской области: Kimitaka Matsuzato. Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985-1996 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. №8. С. 1380-1393.

лекоммунистический касикизм России (и Украины) характеризуется пространственным складыванием иерархии элиты. Например, нефтяное лобби Татарстана выступает на политической арене не как таковое, а, скорее, как «альметьевское землячество». Это очень специфично по сравнению с характером возникновения и способом функционирования «политических машин» в других странах, в которых отраслевой и этнический принципы играют значительную роль и в мобилизации голосов, и в формировании иерархии элиты¹. По-видимому эта специфика объясняется не особыми свойствами восточных славян, а тем, что из двух командных линий – территориальной и отраслевой, существовавших при старом режиме, последняя была разрушена при переходе России к капитализму, а политически значимые субкультуры (новые отраслевые группы) пока не сложились. Поэтому действующей остается только территориальная линия коммуникации элиты.

Именно в этом отношении наблюдается контраст между Башкортостаном и Татарстаном, с одной стороны, и между Удмуртией и Мордовией – с другой. Башкортостан и Татарстан характеризуются пространственной деконцентрацией демографического, экономического и финансового потенциала. Но с отраслевой точки зрения башкортостанская экономика, которая сильно зависит от добычи и обработки нефти, намного «монокультурнее» татарстанской. Удмуртская экономика как периферия уральского промышленного мегаполиса более многоотраслевая, чем мордовская. Можно сказать, что Татарстан и Удмуртия обладают большим демократическим потенциалом по сравнению с Башкортостаном и Мордовией. Но если сравнивать Удмуртию с Татарстаном, то в Удмуртии менее развит упомянутый выше механизм «переноса» отраслевых интересов на территориальный уровень. Политическая хроника Удмуртии, публикуемая в настоящем сборнике, демонстрирует, как директорат ВПК Удмуртии выступает время от времени самостоятельно, причем не всегда в пользу своего опекуна – А.А.Волкова. В Татарстане же директорат ВПК – не более чем послушный союзник «аграрной бюрократии», которую в татарстанском контексте можно отождествить с территориальной элитой – главами администраций. Из-за слабого развития механизма «территориализации» отраслевых интересов в Удмуртии больше возможностей для появления конкурентного политического режима.

¹ Например, в японских «политических машинах» большую роль играет отраслевой фактор, а в американских – этнический.

*Сплоченность элиты прежнего режима
и ее монополия на распоряжение электоральной машиной*

Как известно, Татарстан является типичным примером *коллективного* выживания бывших обкомовских руководителей во главе с первым секретарем. Это не означает, что в Татарстане *те или иные* руководители прежнего режима политически дожили до наших дней и, следовательно, это физически старые руководители. Наоборот, в то время как в русских областях и краях России, избавившихся от такой номенклатурной практики кадрового движения, когда руководителей заставляли уходить на пенсию в относительно молодом возрасте, и, с другой стороны, способствовали по возможности быстрому «выращиванию» молодых кадров, ныне наблюдается тенденция старения руководителей (они остаются на своих должностях поскольку побеждают на выборах), в Татарстане проводится плановое омоложение состава руководителей. В результате руководители этой республики молоды, кроме одного немаловажного исключения – самого М.Ш.Шаймиева. Тем не менее, коллективное выживание, преемственная связь элит прежнего и нового режима определяют важное качество режима Шаймиева – взаимопонимание элит и их стремление к монополии и внутрикорпоративному распределению властных ресурсов и имущества.

Удмуртия является противоположным Татарстану примером и развивается по более типичному для посткоммунистических России и Украины сценарию. Так, обкомовские руководители не смогли пережить потрясений 1990 г., и на их место выдвинулся «второй эшелон» номенклатуры, но его представители не смогли создать новые правила игры и не сумели найти общего языка. В частности, возникла длительная конфронтация между региональным руководством и руководством региональной столицы, и это происходило в самый сложный период государственного строительства в России – в период разграничения полномочий между региональными и субрегиональными субъектами власти в середине 90-х годов¹.

В тесной связи с изменениями характера внутриэлитного взаимодействия происходила эволюция электоральных практик. Во многих регионах России ультрамобилизационная электоральная машина КПСС, которая была похожа на военизированную организацию, в 1990-1993 гг. разрегулировалась. Только к выборам и референдуму в конце 1993 г. «партия администраций» (всех и всяческих) снова начала организовывать выборы мобилизационным (недобровольным) путем, и в результате сложился нынешний режим касикизма.

¹ По подобным сценариям события развивались в Приморье и Свердловской области в России, в Одесской и Закарпатской областях Украины.

Тем не менее, период «разрегулированности» сказался на формировании конкурентного политического режима в России. Раскол элиты, которая была монолитной при старом режиме, с одной стороны, и разделение электоральной машины между группировками элиты, с другой, породили эффект своего рода синергии. Дело в том, что даже меньшинство, возникшее в результате раскола элиты, могло защищать свои позиции, если ему удалось создать свою собственную электоральную машину. В силу убежденности в своей защищенности при успешном формировании электоральной машины недовольные группировки внутри элиты повели себя еще более вызывающе по отношению к большинству, в результате чего раскол усилился. Именно таким образом в период после октябрьских событий 1993 г. и до губернаторских и местных выборов 1996 г. формировались конкурентные политические режимы во многих регионах России.

Татарстан, за исключением очень короткого отрезка времени перед выборами 1990 г., избежал периода «разрегулированности», его неделимая электоральная машина всегда находилась в руках республиканского руководства. Узаконение системы назначения глав администраций в 1994 г. завершило процесс монополизации электоральной машины. При этих условиях легко вытолкнуть на периферию политического пространства тех, кто противится республиканскому руководству. Удмуртия и Мордовия прошли более типичный для российских регионов путь, проведя действительно конкурентные выборы. Однако мордовскому руководству удалось восстановить монолитную электоральную машину в относительно короткий период после прихода к власти Н.Меркушкина. Как известно, по итогам общероссийских президентских выборов 1996 г. Мордовия, вместе с Татарстаном, прославилась тем, что попала в список регионов, где соотношение между результатами первого и второго туров оказалось, мягко говоря, чрезвычайно неестественными.

Политический статус республики в СССР

Само собой разумеется, что если республика была привилегированной в структуре СССР, это облегчало выживание номенклатуры. Ярким примером этого является ТАССР. В качестве компенсации за отсутствие статуса союзной республики, на который постоянно претендовали лидеры татарской элиты, первые секретари обкома КПСС Татарии, как правило, становились членами ЦК КПСС, членами Президиума Верховного Совета СССР, что, естественно, увеличивало лоббистские возможности региона. Высокий статус и обширные ресурсы партийных руководителей ТАССР не только убедили элиту и население во вредности лозунговой

политики еще при прежнем режиме, но и понуждали националистическую оппозицию к иждивенческому поведению. За фасадом резкой критики руководства республики со стороны лидеров татарских националистов зачастую скрывалась их зависимость от машины распределения благ, находящейся в руках республиканского руководства. Руководство УАССР и МАССР в этом отношении существенно проигрывало.

***Отношения между промосковской
и националистической оппозицией***

В Удмуртии эти два оппозиционных лагеря в состоянии находить поле для согласования интересов и создавать хотя бы временные коалиции в критические моменты – сначала против номенклатуры, а затем против усиливающейся власти А.А.Волкова. В Татарстане, наоборот, националисты и промосковские демократы никак не могут договориться, что открывает широкую возможность для применения республиканской властной элитой этнобонапартистских технологий.

В заключение следует отметить, что это введение не претендует на исчерпание темы, оно лишь выдвигает некоторые гипотезы. Однако если эти гипотезы послужат материалом для обсуждения, уточнений или критики со стороны научного сообщества регионологов, автор этих строк сочтет свою задачу выполненной.

* * *

Среди многочисленных коллег, оказывающих неизменную помощь в издании серии «Регионы России», я обязан особо упомянуть С.И.Рыженкова, ведущего эксперта Международного института гуманитарно-политических исследований, который, как всегда, помог нам в подборе квалифицированных экспертов, и В.Н.Руденко, заместителя директора Института философии и права УрО РАН, организовавшего наше сотрудничество с издательством «Полиграфист» г. Екатеринбурга, которое печатает сборники серии дешевле, чем полиграфисты в Японии, и с качеством, почти не уступающим качеству японской полиграфии.

***Кимитака Мацузато, доктор юридических наук,
профессор Центра славянских исследований
при университете Хоккайдо***